

Собеседник - 27.11.2001 - Восток - с. 12, 13

фото Ильи Барилева/InterMedia

3. 10. 01

Новикова Клара

Клара Новикова: Я никому ничего не должна

Когда-то тексты для Новиковой писал Новоженов

фото Наталья Погинова

У Клары Новиковой большие красивые карие глаза — это, в общем, известно. Меньше известно, что эти глаза все время меняются — для этого в них нужно заглянуть. Ни из зала, ни с экрана телевизора разглядеть это невозможно по двум причинам: во-первых, далеко, во-вторых, и сцена, и студия — рабоче место актрисы и выражение глаз — атрибут ее профессии. Мне в какой-то мере повезло — мы сидели вдвоем, без камер, зрителей, гримеров, и она могла позволить себе не играть. И целая галерея женских портретов прошла передо мной за время интервью.

ДМИТРИЙ ЕЖКОВ

Деньги зарабатываю я. А остальные помогают

— Клара Борисовна, многие мужчины в силу присущего им снобизма считают, что женщины и юмор — вещи мало совместимые. Вы не хотели бы это опровергнуть?

— Я опровергаю это каждый день, выходя на сцену. Если бы не чувство юмора, женщины, наверное, вообще не выжили бы. Мужчины смеются как бы свысока, делая одолжение, этак — похотатывают. А женщины — хохочут, они смеются более заразительно. Хотя я видела мужчин, которые смеются до слез. Но это бывает редко. Женщины о себе говорят: «Я хохотала». А мужчина скажет: «Я ржал».

— Женский и мужской юмор отличаются?

— Нет. Просто есть вещи, о которых женщинам неловко со сцены говорить, они стесняются. Мужчины в этом смысле нахальнее. Ведь во всем мире шутят об одном и том же. Это ограниченный круг тем: секс, политика и семейные отношения. А юмора мужского и женского, мне кажется, нет. Есть — смешно или не смешно.

— Как вы думаете, вы властная женщина?

— Властная? (Пауза.) Что значит — властная? В своей работе я пытаюсь управлять зрительным залом, в котором сидит тысяча человек. И если я на сцене буду интересна только себе самой, а зрители останутся сами по себе, это ж никому не будет интересно. Поэтому я вынуждена эмоционально владеть залом. Значит, я властная. С другой стороны, я работаю не одна, у меня есть группа, в которую входят семеро мужчин.

— Вы ими руководите как-то?

— Ну, как-то руковожу... Потому что деньги зарабатываю я, а они мне в этом помогают. Нет, у меня есть директор, он занимается переговорами, финансами. Но он директор до тех пор, пока я работаю. А если я перестану работать, он перестанет быть директором. Потому что продать на рынке шоу-бизнеса неизвестного человека невозможно. Продать можно только того, кто пользуется каким-то спросом.

— Вы производите впечатление делового человека...

— Думаю, я другая. Но если у вас сложилось такое впечатление, не буду его развешивать.

— Если из этих семерых мужчин кто-то не выполнил поручение, опоздал, что вы ему говорите?

— Если причина объективная и он извинился, я его понимаю: очень не люблю конфликты

и всегда пытаюсь их сгладить. Я первая позвоню человеку, с которым произошла размолвка. Разрыв с людьми переживаю очень болезненно. А если он просто не пришел, потому что забыл...

— Он завтра не будет у вас работать?

— Нет, такого не может быть, мы работаем вместе много лет и проводим друг с другом времени больше, чем в своих семьях. Мы знаем друг про друга все или, по крайней мере, кажется, что все.

— Мы поговорили о властной женщине применительно к профессии. А дома, в семье? Женщины могут подчиниться мужчине, а может его подавить?

— Это зависит от того, как поведет себя мужчина. Если он не берет ситуацию в свои руки, это приходится делать ей. Дома всегда кто-то кому-то подчиняется. Равных партнеров почти не бывает. Если он не отремонтировал стиральную машину раз, другой, третий, значит, она либо устраивает скандал, либо, чтобы избежать скандала, делает это сама.

— Если я сейчас что-то не так скажу, вы меня остановите, ладно?

— Копайте, копайте. Мне тоже интересно, до чего вы докопаетесь и что я вам наговорю.

— У вас ведь было два мужа?

— Почему — было? У меня есть муж.

— В вашей семье кто кому подчиняется?

— Никто никому, поэтому живем отдельно. Мне очень не нравится, когда меня все время учат. Редактирую, корректирую... Я могу нормально принять замечание, когда говорят: мне кажется, ты могла бы поступить вот таким образом. А когда мне говорят: ты должна... Я никому ничего не должна и не люблю,

когда на меня давят, как редактор в журнале.

— Ну да, ведь ваш второй муж — журналист.

— Он так и дома себя ведет. Он — замечательный журналист, очень хороший писатель. И видимо, профессионально так складывалось, что он дома продолжал редактировать. Только теперь уже — меня, как свой журнал. Я с листа читала ему все свои новые монологи. И когда он говорил: вот это — полная ерунда, это провал, именно этот монолог и становился хитом. Хотя он часто знакомил меня с авторами, которые появлялись у него в журнале, и считал, что они могут быть полезны.

— Может, в этом была попытка самовыражения? Вы все-таки известный человек.

— Я никогда не веду себя, как известный человек. Где известный? Там, за окном, я известна, а дома я, как все. Наоборот, я тащила на себе все хозяйство: дом, детей. В какой-то момент я подчинилась, но потом поняла, что если полностью абсолютно перестану заниматься профессией, и стану ему неинтересной. Получится такая ласковая собачка: захотел — погладили, не нужна — швырнул в угол, на место, где она будет лежать, пока не позовут. Со временем я действительно стала самостоятельным человеком, раньше такой не была. Я боялась повторить судьбу мамы: одна была абсолютно подчинена дому, пыталась вырваться из этого, но ей не хватало характера. И мы с братом видели, как ей было неспросто. Но мама не просила ни о чем, а мы не предложили ей помощь. А папа... Он очень сильный и властный человек. Мама разрывалась между нами всеми. Ей хотелось всем угодить, но мне кажется, ей было грустно. Когда папа остался один, ему стало

очень тяжело. Маме хотелось, чтобы с ней считались. В отношении себя я хочу того же.

Хожу в магазин и покупаю памперсы

— А эстрада как-то повлияла на вашу самостоятельность? Вот другая ситуация: вы оказались дома той самой собачкой, извините. Что было бы с эстрадной исполнительницей Klarой Новиковой?

— Понимаете, ведь наша профессия жесткая очень. В ней надо выстоять, выжить. Вокруг — конкуренты. Может, и это тоже поменяло характер. А если бы я была такой милой, покладистой и обаятельной, всем пыталась угодить — я такова и есть по сути, понимаете? — но не занималась бы делом, ну... меня бы просто... обошли. Эстрада — это целый мир, в котором есть конкуренты, администраторы, директора, телевидение. И в этом мире надо уметь жить, быть коммуникабельным. Понимаете? Я в жизни играю больше, чем на сцене. Там я — такая, как я есть. А в жизни, кроме прочих явных умений, нужно уметь и хитрить, и приспосабливаться — и мне, и вам, и всем. Вы же должны угодить тем, что напишете — и редактору, и газете. Мы подлаживаемся под ситуацию, корректируем себя. Вот в результате этой коррекции получилось то, что вы видите — нравится вам это или не очень.

— Как вы любите себя своего? Вы говорите: это будет так, и все?

— Нет, я просто делаю то, что хочу, считаю нужным, необходимым — в том, что касается профессии.

— А в семье?

— Это разные вещи. В семье каждый со своим характером. Я учитываю их характер и желания так же, как они мои. Причем они мои — в меньшей степени, чем я — их. День начинается с того, что я звоню маме, докуче, и спрашиваю: что тебе сегодня хотелось бы, нужна ли я тебе? И от этого планирую весь свой день.

— А если Мама вам звонит и говорит: мама, мне нужно, чтобы ты срочно в два часа была здесь, это очень важно. А вам не хочется никуда ехать?

— Вот так, между прочим, сегодня и произошло. Звонит Мама: мам, ты не могла бы приехать к тебе в четыре. Хорошо? Хорошо. И вот к четырем я должна поехать. И по дороге купит памперсы для внуки.

— Хотел бы я посмотреть на вас, покупающую памперсы...

— Покупаю... Хожу в магазин и покупаю памперсы. И нужно ведь купить не полиэтиленовые, а бумага-а-ажные — они впитывают лучше. Я в этом не очень понимаю: когда Мама росла, не было никаких памперсов.

— Вы работаете в Московском театре миниатюр. Его руководитель — Жванецкий. Я понимаю, что у вас нет армейской субординации: шелкнул каблучками и пошел. Но если Жванецкий вам скажет: Клара, нужно сделать то-то. Вы...?

— Он такого никогда не говорит. Но если бы сказал, я бы сделала то, что попросил Жванецкий — не потому, что он руководитель театра, а потому, что я бесконечно его уважаю. Михаил Михайлович всегда говорил: вы можете сказать мне свое мнение о том, что я делаю. Мне конечно же хотелось бы, чтоб он думал обо мне хорошо. Я хотела бы нравиться ему — как актриса, как женщина. Мне это очень важно. Поэтому, если Михаил Михайлович скажет: Клар, мне не нравится этот твой монолог, я к этому прислушаюсь и попытаюсь сделать так, как он советует. А вообще я сама знаю, что ему может не понравиться. Однажды он пришел из гримерки за кулисы и сказал мне: «У тебя была правильная интонация». Понимаете, насколько это было удивительным? Он пришел не на слова, а на интонацию.

— Я помню, как Новоженов брал интервью у Жванецкого. Новоженов ведь был вашим автором, как же так?

— К сожалению, сейчас он уже ни для кого не пишет...

— В начале интервью это был совершенно другой Жванецкий. Он не шутил, о чем-то думал: сидел та-

гурить, дурачиться, я буду такая, какая я сейчас. Статьи, многое зависит от собеседника. Если мне с ним неинтересно, то уж... мне с ним неинтересно. Мне хотелось бы понять, что вы хотите от меня — это ведь тоже игра. Я приравниваю к тому, что сейчас происходит. Хочу понять, какой вы хотите меня видеть. Может, я вам как-то сейчас властной, жестко говорю. Вообще я открытый человек. Вы, между прочим, интересны мне тем, что, во-первых, слушаете меня — это не всегда свойственно журналистам, а во-вторых, ни на чем не настаиваете.

— Давайте поговорим о деньгах. Вы ведь зарабатывали больше мужа?

— Да, но я никогда бы не посмела ему об этом сказать.

— Если мужчина зарабатывает меньше вас, вы видите в нем мужчину?

— Это красиво, когда дарят машину, квартиру. Я иногда об этом слышу и вижу в кино, но мне ничего такого не дарили, и я никогда не ждала таких дорогих подарков. Но уже сегодня позиция — не дорог подарок, а дорого внимание — мне нравится меньше. Почему бы нет? Дорого и то, и другое. Мужчине, конечно, должно быть приятно, мне же приятно, какие украшения, цветы, духи. Но я сама себе все покупаю и никогда не виню мужчин: что дарили, то и дарили.

— Нет ли досады, что не нравится мужчины, который мог бы все это подарить?

— Нет такой досады, хотя иногда грустно. Если я могу купить машину, я ее куплю. Долгое время ездила на обычной «девятке». Сейчас у меня «Мицубиси-Галант». Бывает, что машина

в ремонте или шофер по каким-то причинам не может ехать, тогда меня везет мой звукорежиссер — на своей «Оке». И однажды мы на этой «Оке» приехали даже на вручение премии «Овация» в Малый театр. Многие подлезали на огромных дорогих машинах, а я решила: приеду на «Оке». Но миллионеры к театру на ней не пустили. Так что мой выход из «Оки» перел телевидением не состоялся.

— Почему вы не взяли машину в аренду? Есть ведь законы жанра. Это был вызов?

— Мне захотелось побыть вне этого жанра. Мне нравится одеваться не как все, поступать не как все. Может, не всегда это получается. А выйти из «Оки» на ковровую дорожку — это абсолютно в моем жанре.

фото Якова Титова

— Ну да, ведь ваш второй муж — журналист. Он так и дома себя ведет. Он — замечательный журналист, очень хороший писатель. И видимо, профессионально так складывалось, что он дома продолжал редактировать. Только теперь уже — меня, как свой журнал.

— А как же любимые мехи?

— В любимых мехи, из «Оки»...

— Вы украшения любите?

— Люблю, но какие-то безумные украшения, золото, бриллианты не ношу, только — серебро. Когда налеваю золотое кольцо, мне говорят: ну это тебе даже не идет. Хотя у меня было золотое кольцо с бриллиантом — мамин, его у меня украли.

— Да, я что-то читала. Кажется, у вас из машины украли сумку?

— Я ехала с новгородских съездов и зашла около дома в магазин купить кефир. И шофер пошел вместе со мной. А сумка осталась на сиденье — ее тут же вытащили. Больше всего жалко это кольцо: память о маме.

— Вы плакали?

— Нет. Я не могла понять, как это так: только что было — и уже нет.

— А вообще вы плачете? Можно представить себе такую ситуацию?

— Очень редко. И не люблю, когда кто-то это видит, только оставаясь наследием.

— Вы не устаете быть сильной женщиной?

— Мне стало казаться, что слабые женщины не любят. Или — любят меньше, чем сильные. Сила женщины может быть и в ее слабости, она может хотеть казаться слабой. Что такое слабая женщина — как вы мне объясните?

— Слабая женщина встречает вечером мужа и говорит: успокойся. Завтра он идет и зарабатывает ей на красное ладо. А сильная женщина покупает его сама.

— А почему вы думаете, что сильная женщина не может сказать: успокойся, милый, у тебя завтра все будет? Может, наоборот, это слова сильной женщины, и будут они на пару рыдать: нет у нас красного ладо. Сильная женщина та, которая не плачет — жалуется на жизнь. В этом смысле я — сильная: не плачусь и не жалуясь.

— Это киевская заправка? С гвоздильного завода?

— Я не работала на гвоздильном заводе, только пыталась туда устроиться. Меня не брали на работу, и хотелось доказать: пусть гвоздильный, но я туда устроюсь. В конце концов я устроилась на кинокопировальную фабрику. Родители ведь сопротивлялись моему желанию стать актрисой и даже не давали денег, чтобы съездить в Москву, посмотреть театры — тогда студенческий билет от Киева до Москвы стоил всего семь рублей. Но папа считал женскими профессиями те, где в белых халатах: врач, повар, воспитательница. А что такое — быть актрисой? За-

висимая, развратная жизнь — так считал папа.

— Он был не прав?

— Думаю, нет: я стала актрисой, но развратной жизнью не живу.

— У вас не было желания заниматься бизнесом, вложить деньги в ресторан, в прачечную?

— Нет. Куда бы ни вкладывала, я с вашей точки зрения деловой человек, не умею этого делать. Жванецкий говорил мне: Клара, мы с тобой можем зарабатывать деньги только кишками. А это значит — три часа простоя на сцене одному, устать до олури и на следующий день опять выйти. И без этого не жить. А так, чтобы где-то капало — это, видимо, не наша история. И не наша. Вы почему со мной сегодня общаетесь? Видно, тоже потому, что где-то не капает. И вам приходится брать интервью, в том числе и у тех, кто вам неинтересен.

— Вы ошибаетесь. Я очень шепетлив в выборе собеседника. У Киркорова, к примеру, я бы интервью брать не стала.

— А я бы взяла и у Киркорова, потому что многое мне интересно узнать непосредственно от него. Я хочу знать, чем он живет, что это за жизнь такая, когда он может общаться с кем хочет, когда рядом с ним Алла Борисовна. Мне интересно, чтобы он открылся мне и я поняла, какой он на самом деле. Он — в поиске, не почил на лаврах: играет в спектакле «Метро», снимается в кино, собирается делать мюзикл. Вообще, мне кажется, я могла бы быть журналистом. Потому что наши профессии в чем-то схожи: вы ведь, как и актер, выходящий на сцену, должны меня как-то расположить, чтобы я захотела отвечать на ваши вопросы. И чтобы отвечала искренне, а не так, отделившись. А потом, знаете, вы попали сейчас на такое мое настроение. Ведь я же актриса. Может, на те же самые вопросы я завтра ответила бы совершенно по-другому. Это сродни тому, как зрители приходят на концерт: кто-то ехал на машине, кто-то на троллейбусе, кому-то на ногу наступили, кто-то не успел поесть, кто-то — в туалет сбежать, а кто-то не может на работу устроиться. И все свои эмоции они приносят в зрительный зал. И мне надо всех этих разных людей объединить в то понятие, которое называется публикой, зрителем. И сделать так, чтобы всем было комфортно и хорошо. Мне кажется, что зрительный зал — это большой стол, за которым собрались фессиями те, где в белых халатах: врач, повар, воспитательница. А что такое — быть актрисой? За-